

Цюрихский университет
Философский факультет

Дипломная Работа

Die japanischen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1945-1956.

Verarbeitung der Lagererlebnisse in Wort und Bild.

[Японские военнопленные в сибирском плену 1945-1956 гг.
Переосмысливание лагерных событий на словах и картинах]

Референт: Проф. Др. Эдуард Клопфенштейн

Автор: Рихард Делер

30 Ноября 2001 г.

Русское сокращённое изложение

Перевод: Рихард Делер

Корректурa: Ирина Андрианова

Содержание **полного немецкого** текста

Предисловие

Метод цитирования и цитаты

1. Образ действия, выбор материала и формулировка вопросов

2. Исторический фон

2.1 _Тос534984610 Отношение России и Советского Союза с Японией

2.1.1 Территориальные конфликты до второй мировой войны

Содержание данного русского сокращённого изложения

163

Английское сокращённое изложение

Японское сокращённое изложение

Содержание данного русского сокращённого изложения

1. Предисловие

2. Исторический фон

Направление военнопленных в сибирские лагеря

3. Жизнь в плену

Довольствие

Принудительные работы

Норма

Свободное время, отдых, переписка с родственниками

коммунистическо-идеологическое перевоспитание

Здравоохранение и медицинское обслуживание

Смерть

Товарищество

4. Заключение

Библиография

Список картин и сопроводительных текстов

Биография

1. Предисловие

К 2000 году японскими ветеранами опубликованные более двух тысяч книг, в которых приводятся свидетельства как о страданиях, так и о гуманитарных действиях советских граждан, врачей и офицеров и т.д. Большинство из этих книг были изданы на собственные средства бывших военнопленных. Первые книги были опубликованы уже в 50-х годах. Вследствие экономической ситуации, книги изданные в 50-60-х годах зачастую плохого качества. С 70-х годов значительно увеличилось число тех, кто опубликовал свои рассказы о пережитых лагерных событиях. Рассказы подкреплёнными иллюстрациями вызвали особый интерес, потому что в лагерях было запрещено делать заметки и рисунки, все рассказы были восстановлены из памяти.

Выбор этой темы был predetermined, во-первых случаем, когда я несколько лет назад узнал от моего бывшего партнёра по делам Мицуфум Ивакура, что он был военнопленным в Сибири, а во-вторых возникшим желанием узнать больше об истории Японии и России. Главное внимание должно быть обращено не на историю, а на людей, которые были втянуты в политической водоворот.

Сначала я заинтересовался как люди описывают этот трудный для них отрезок жизни.

2. Исторический фон

Россия приобрела в 1896 г. концессию для строительства Восточно-китайской железной дороги. В Боксёрском восстании 1896 г. она захватила всю Маньчжурию. Продолжение этой оккупации было одной из причин Русско-японской войны (1904-1905 гг.) В Портсмутском мирном договоре между Японией и Россией от 5 г. сентября 1905 года говорилось: "Статья V. Царское русское правительство перепоручит, с согласия Китайского правительства, аренду Порт Артур, Далны и примыкающие территории, как и территориальные воды [...]". В действительности, Маньчжурия [яп. Маншу 滿州] была разделена между Россией и Японией, см. карта с. 10. После отречения династии, 1912 г. и распада центрального китайского правительства, Маньчжурия фактически стала самостоятельной. В 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии 18 февраля 1932 г. и провозгласила марионеточное государство Маньчжурия. Оккупация Японией всей Маньчжурии усилила напряжение между Японией и Россией.

1855 г. Россия и Япония договорились о совместном управлении Сахалином и что Нижние Курильские острова, включая Еторофу, принадлежат Японии. В 1875 году Япония отказалась от притязаний на Сахалин в обмен на Курильские острова. После победы Японии в Русско-японской войне 1904-1905 г., южная часть Сахалина была уступлена Японии в Портсмутском мирном договоре (1905 г.).

В Сан-францисском мирном договоре (1951 г.), который Советский Союз не ратифицировал, Япония отказалась от Курильских островов, за исключением Хабомаи, Шикотан, Кунашири и Еторофу, которые Япония считала частями своих северных территорий.

Пакт о нейтралитете между Советском Союзом и Японией от 13 марта 1941 г., должен был закончиться в апреле 1946 г. Одно из его постановлений гласило, что пакт будет автоматически продлён, если ни один из двух партнёров не заявит о расторжении договора за год до его истечения. Союзники Советского Союза оказывали сильное давление на СССР, чтобы он открыл новый фронт, то что Сталин пообещал после победы над Германией. 8 августа 1945 г., в 17 часов вечера, проинформировали японского посла в Москве и японское правительство в Токио, что СССР считается в состоянии войны с Японией с 9 августа.

В 17.10 по московскому времени, на Дальнем Востоке уже 9 августа, советские войска начали наступление на Манчжурию, Сахалин и Курильские острова. Сопrotивление японской армии кончилось формальной капитуляцией 3 сентября 1945 г.. Приблизительно 2.7 миллионов японских гражданских лиц и военнослужащих попа-

ли в плен. Гражданское население было репатрировано или вернулось в Японию своими средствами.

В статье 9 **Потсдамского соглашения** союзников упомянуто, что все японские военнопленные должны быть репатрированы, кроме ответственных за военные преступления. Хотя Советское правительство и согласилось с этим заявлением от 8 августа, оно не намеревалось репатриировать военнопленных. 23 августа 1945 г., Народный Комитет Оборона принял решение №. 9898, в соответствии с которым 500 000 японских военнослужащих, способных работать в сибирских и дальневосточных условиях должны быть **направлены в советские лагеря**. Фактически было переброшено 580 000 японцев. В течение многих лет СССР давал заведомо ложные сведения.

Советский Союз и Япония не ратифицировали Женевскую конвенцию 1929 г., цель которой была защита военнопленных. В процессе военных преступников в Токио (1946-1948 гг.) бывший премьер-министр Гидеки Тоё объяснил позицию Японии. Он сказал, что есть фундаментальная разница между западным и японским отношением к плену. Сдаться в плен для японца означает позор. Поэтому было приказано всем воинам не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Ратификация Женевской Конвенции могла бы означать, что можно сдаться в плен. Советский Союз не ратифицировал её из-за расистской и культурной дискриминации, например статья 9 устанавливает, что поскольку там возможно, чтобы в лагеря отделяли друг от друга по нации и расе.

3. Жизнь в плену

Описания пленных показали определённые общие признаки, которые можно сгруппировать следующим образом:

- Август 1945 г. - до конца первой зимы: угнетающее настроение, непонимание того, что с ними случилось, но и решимость перенести всё, самодисциплина. Утомлённые пленные старались приспособиться к совсем новым обстоятельствам, например небольшому довольствию, принудительным работам, болезням, несчастным случаям и большому числу смертей.

- Лето 1946 г.: Настроение, хоть незначительно, но менее пессимистичное.

Смертоносная зима окончилась, смерти уменьшились. Начало репатриации питает надежды.

- Зима 1946 г. - лето 1948 г.: Можно ли пережить ещё одну зиму? Проблемы, которые возникли впоследствии коммунистической кампании, перевоспитание отягощают лагерное общество. Комментарии о товарищах превращающие жизнь в ад, яркие и частые. Общая безысходность и отсутствие надежды. Слухи о возвращении домой

процветают. Репатриации продолжаются, хотя медленно, никто не знает свою очередь. До конца августа 1948 г. число пленных упало до 211.758 человек.

- Зима 1948 г. - до середины 1949 г.: 95.000 человек задерживаются в СССР, многие произвольно осужденные в военных преступлениях или в предполагаемых преступлениях в плену. Условия значительно улучшились, отчёты и иллюстрации становятся светлее. Зарождаются чувства симпатии и благосклонности к советским женщинам и девушкам. Климат и природа больше не угроза, пленные умеют обращаться с ними, уважают красоту сибирской природы.

За шоком капитуляции следовал шок не репатриации, Японцы были перевезены в Советский Союз обманным путём. Садящиеся на поезда побеждённые японские солдаты, подбадриваемые советскими солдатами *«скоро домой»*, были убеждены, что возвращаются на родину. Первые же сомнения возникли, когда поезда поехали не к югу, а к северу, и позже даже к западу. Перевозка военнопленных затянулась на многие недели.

Сато (1979:100) показывает тесно набитый поезд с человеческим грузом на одной из подстанций. Вопреки ожиданию этот поезд перевозил не военнопленных, а советских узниц. Сато комментирует: "[...] Их конвой был больше нашего, странный вид. Везли этих женщин в плен, потому что они, вместо того чтобы храбро обороняться, попали в немецкий плен. Из-за этого их рассматривали антисоветскими элементами. [...]" После этого случая Японцы в первый раз поняли, что советская власть была грубой и с собственными гражданами.

Доклады об этой **перевозке** и первых днях в лагерях описывают то, как пленным надо было привыкать к невыносимым обстоятельствам: сидеть стиснутыми со всех сторон в двухэтажных грузовых вагонах, недостаток довольствия, унижительное гигиеническое положение, запущенные бараки, палаточные лагеря, низкие температуры и крайние разочарование. Они были обмануты. Вместо репатриации они были направлены в лагеря. Сато (1979:111), см. с. 45, комментирует свою картину *«Сон»*: "[...] В первую зиму после нашего прибытия в Советский Союз 80 человек были втиснуты как сардины в один барак. Ночами температура падала до минуса 30-40 градусов, через крышу мы видели звезды. [...] Возвращаясь из туалета собственное место было занятым, не было никакого выбора, кроме как втискиваться между товарищами.

Лагеря были распределены по всей Сибири, между полярным кругом и даже севернее его (Колымское, Норильск, Воркута), во Владивостоке, Хабаровске, Центрально-Азиатских Республках и Казахстане. На 1 сентября 1945 г. Кузнецов

(1997:51-53) насчитывает следующее число пленных в регионах, где зимой температура падает до минуса 50 градусов и снег царствует между 120 до 240 днями в год: Владивосток 75.000, Хабаровск 65.000, Чита 40.000, Улан-Удэ 16.000, Иркутск 50.000, Красноярск 20.000, Алтай 14.000, Казахстан 50.000, Узбекистан 20.000, итого 340.000 человек, см. карты с. 18-20.

Ежедневный **паёк**, установленный декретом МВД (Министерства Внутренних Дел) 23 августа 1945 г., совсем не соблюдался. Также не были приняты во внимание особенные тяжёлые условия разных видов принудительных работ, т. е. шахтёрский труд, вырубка леса, крайние климатические условия. В докладах и иллюстрациях доминируют элементы недостатка питания и последствия недоедания. Пленные получали ежедневно паёк в среднем 1100-1300 Ккал. Согласно с ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) тяжёлый труд требует ежедневно около 3100-3300 Ккал. Дистрофия являлась главной причиной смерти. Но надо отметить, что советское население тоже не получало свою норму питания. ФЛЕИШГАККЕР (1965:V) доказал, что (теоретически) паёк граждан и пленных различался только незначительно. Воровство довольствия конвоем, персоналом лагерей и пленными было ежедневным событием. Недостаток питания сильно влиял на социальную жизнь. Каждый грамм каши, каждая крошка хлеба были жизненно важными чтобы выжить, значит было важно обеспечить, чтобы все получали одинаковое количество пайка. Пленные сами изобрели простые орудия, чтобы мерить хлеб и взвешивать кашу. Картина Юцаки (1993:48), см. с. 50, «*Нарезка хлеба*» производит глубокое впечатление. Он пишет "[...] Нарезался хлеб под острым надзором всех пленных. Мы пристально смотрели на человека отмеряющего хлеб с помощью масштаба, потом нарезающего пилой и взвешивающего его. Порядок раздачи кусочков был точно установлен. Особенно вкусный и питательный первый отрезанный кусок разделялся таким образом, чтобы каждому досталась маленькая часть. [...]" Обстановка улучшалась мало-мальски с наступлением весны. Пленные обследовали окрестности, искали свежие растения, сезонные ягоды и всё то, что имело вид съедобного. Осенью они собирали остатки урожая. Сообщается немало случаев о пленных, которые отравились грибами или у которых возникли проблемы с кишками из-за переедания незрелых овощей. Сато (1979: 159), см. с. 48, рассказывает и иллюстрирует рассказ «*Картофель и конский навоз*». "[...] Картофель накапливался до верхнего края полезной площади кузова. На неровных поворотах картофель иногда высыпался на дорогу. Возвращаясь с места работы мы всегда высматривали картофель. Рассказывали такую историю. Одна группа возвращаясь с работы заметила странные предметы похо-

жие на камни или замороженные куски земли. Они не смогли представить себе ничего иного, чем картофель и наполнили все карманы. На кухне стали их варить. Когда один пленный снял крышку, он был очевидцем трагедии: картофель оказался конским навозом [...]."

Хлеб, вместе с табаком, стали валютой лагерей. Всё выменивалось на эту валюту. Кузнецов (1997:90-91) приводит следующие важные категории **принудительных работ** и число для них назначаемых пленными: Лесное хозяйство 159.862, горная промышленность 134.608, сельское хозяйство 74.731, тяжёлая промышленность 50.597. Стройительство и ремонт: заводов и жилищ 50.871, военных и гражданских аэропортов 33.800, железных дорог 20.157, электростанций и линий электропередачи 15.674, вагонов и грузовых автомобилей 11.550, дорог 9.953, гостиниц и домов отдыха для пленными 9.076, и т.д. А также на работы связанные с обороной, запрещённые Женевской конвенцией. Одно из самых важных мест работы была Байкало-Амурская Магистраль (БАМ). Говорят, что под каждой шпалой лежит тело одного пленного. Рубка леса была одной из самых опасных работ. Для этой работы пленные не имели никакого навыка, т.е. не были обучены, орудия труда были плохими, а работа очень изнурительной. Воспоминания и картины переполнены несчастными случаями, отчаянием, болезнями и смертью.

Сато (19979:143), см. с. 59, описывает это следующими словами: "[...] Работа в лесу была самая утомительная в каждом лагере, нормы были высокими. Маленькие группы валили в холмистых лесах, другие группы тащили стволы на санях к складским местам. Эта перевозка была самой ненавистной работой. Пилили вручную. Стройительство и ремонт железных дорог требовали много шпал. Когда казалось, что дерево должно упасть, конвой делал предупреждение. Сучья деревьев использовались для разведения костров, облака дыма витали над лесами. [...] Надувательство норм состояло в том, что отпиливали часть ствола с прежде написанным числом на поверхности и писали новое. Конвой не замечал этого и докладывал, что норма выполнена, иначе паёк был бы сокращён."

Пленные не получали зарплату за сделанную работу. Иначе чем США, Великобритания и Новая Зеландия, Советский Союз не выдал пленным подтверждение о сделанной работе. Из-за отсутствия этого документа японское правительство отказалось платить пленным возмещение за время репатриации. Решением марта 1993 г, японский верховный суд одобрил это поведение.

Норма, которую пленные должны были выполнять каждый день, была высокой. Эти сложные нормы, действующие во всем Советском Союзе, нужно было соблюдать безукоризненно. Росси (1989:254) цитирует нормы очистки разных видов снега: "[...] свежий снег, лёгкий снег, легко компактный снег, компактный снег требующий давление на лопату, очень компактный снег, твёрдый снег требующий работы киркой. Серия коэффициентов принимала во внимание высоту убранного снега и дальность броска. [...] Нормы выделялись группам, не принималось во внимание была ли группа в полном составе или нет. Если кто-то был больным или слабым, товарищи по группе должны были это компенсировать. Сделанная работа измерялась инспекторами и управлялась большим персоналом. Была даже поговорка: *«Не труд плох, а норма плоха»*. Жестокие и мелочные инспекторы превращали жизнь пленных в ад, ломая даже самых сильных людей. Невыполнение нормы значило сокращение пайка, чего все опасались. Выход был в подкупе инспекторов и администраторов норм. Пленные были изобретательными в нахождении путей и средств обмана. В первую зиму 1945/ 1946 гг. среднее выполнение норм достигло скудных 13 %. Это, вместе с большим числом смертей, стало серьезной проблемой советского правительства.

Для лошадей тоже были нормы. Сато (1986:134; 138) нарисовал две картины: *«Лошадям тоже положена норма»* и *«Перевоз стволов деревьев»*. Сокращался ежедневный фураж, если норма не была выполнена. Из-за недостатка довольствия пленные ели корм лошадей. Сато (1986:143), см. с. 84, рассказывает историю *«Друзья»*, извозчик в безмолвном диалоге с лошастью. Лошадь говорит извозчику, что хорошо знает как её обманывают с кормом, предупреждая, что она тоже не переживёт только на сене и соломе. Сато (1979:144) комментирует картину *«Извозчик»* следующим образом: "Первая зима в Советском Союзе. Перевоз стволов. Лошади Квантунской армии [т.е. бывшие японские оккупационные войска в Маньчжурии] использовались насколько это было возможным. Несмотря на то, что местные лошади были более сильными, наши лошади тоже могли достигнуть норм, но шли месяцы и их число уменьшалось. При температурах понижающихся до минуса 30-40 градусов, ни одна лошадь не могла выдержать долго. Обращение с лошадьми было грубым, им не давали достаточно овса, поэтому они были слишком слабыми, чтобы хорошо работать. Ослабленная и изнурённая почти до степени скелета лошадь, протянув тяжёлый груз до середины леса больше не могла двигаться. Эта была ужасная картина. Как только мы сняли уздечку и отвязали её от саней, лошадь упала на землю, глядя на нас с укором. Похлопывали её и дали порцию овса "Б", мы попытались сдвинуть её, но безрезультатно. Мы выгрузили ство-

лы намереваясь возвратиться с пустыми санями. В это мгновение лошадь поднялась и со всей скоростью рванула к конюшне в двух километрах отсюда. Несколько лошадей были в таком жалком состоянии, что мы плакали."

Работали без выходных дней, 7 дней в неделю. Типичный распорядок дня был следующим: 5 часов утренняя поверка, завтрак 6.30, путь до места работы и работа 07.00-14.00, обеденный перерыв 14.00, работа и дорога обратно до лагеря 14.30-19.30, ужин 19.30. **Свободное время** использовалось, чтобы чинить одежду и обувь, жизненно важными для выживания, особенно зимой. Швейных принадлежностей для ремонта почти не было. Поэтому надо было выменивать иголки, нитки и другие материалы на хлеб или другие вещи. После долгого дня работы пленные были изнурёнными. Несмотря на неблагоприятные условия, пленные могли **развлекаться, но это зависло как от инициативы и ловкости самых пленных, так от поведения лагерных командиров**. Основывались театральные и музыкальные группы. Разрешалось заниматься спортом, например «Сумо» [японская борьба. авт.], в некоторых лагерях состоялись турне с пленными других наций, иногда даже с местным населением. Такеучи (1993:82), см с. 76, описывает «Праздник Первого Мая» с юмористическим оттенком типичным для его сухого юмора: "Прыжок в длину - прыжки в высоту - тройной прыжок и барьерный бег - особенно захватывающей была победа иностранцев высокого роста [т.е. пленных других стран. авт.]. Они были в плену тоже около трёх лет. Полуголые, их торчащие кости бросались в глаза. Начался следующий забег. Один маленький, круглый японский паренёк казался так и проскользнёт сейчас сквозь ноги высоких, худых иностранцев. Иностранцы были удивлены, бежали не так быстро как ожидалось. Было невозможно устанавливать кто победил." [Это косвенное признание того, что они не хотели обгонять маленького японского товарища по плену. авт.]

Переписка с семьей была в начале ограничена одной открыткой, объёмом не более 25 слов. Во многих случаях проходил один год, а то больше пока семья получала первую весточку. Переписка была ограничена двумя - четырьмя письмами в год и была подвергнута строгой цензуре. В 1947 году около 40 000 писем было задержано цензорами без информации пленным. Можно представить отчаяние семей ожидавших новости и пленных не получавших ответ на свои письма.

В марте 1946 г. советское правительство начало интенсивную кампанию **коммунистическо-идеологического перевоспитания**. Вернувшиеся в Японию пленные должны были работать пропагандистами японской коммунистической партии. Для этой цели готовились активисты, в основном из молодых пленных, которые

проявили усердие. Они вознаграждались привилегированным положением, получали большее и лучшее питание, подходящую одежду, более простую работу, а также возвращались скорее домой. Формировались антифашистские ячейки с задачей распространения коммунистической идеологии. Точно как при советском режиме, пленные следили друг за другом, добывали информацию и доносили на товарищей. Всё это вело к серьёзному расколу в социальной структуре лагерных обществ. Те же, которые отклоняли перевоспитание, подвергались резким нападкам на массовых митингах со стороны других. Сато (1979:234) нарисовал картину «Обвинения», см. с. 78, комментируя её: "Какой отвратительный шум. Обвиняемых, неспособных обороняться, высмеивали. Не было конфронтации лицом к лицу. Их вытаскивали на сцену, принуждая их безоговорочно признаться виноватыми. Антифашистский офицер и антифашистские ячейки обостряли настроение. Беспощадно обвинялся каждый по одиночке. Всем надо было участвовать. Чтобы нагнетать обстановку всё грубо преувеличивалось. Обращаемых к демократам принуждали петь гимн революции. Учреждались кружки дебатов, требовались самообвинение и взаимная критика. Эта борьба подстрекала новое чувство ненависти. Всё было устроено так, чтобы измотать человека и разрушить его индивидуальность. В кружке демократии в Находке, были те которые воздерживались от критики пытались заботиться о хорошем настроении, но когда кто-то, ссылаясь на давнюю дружбу, слишком приближался, немедленно возникало чувство угрозы. [...]". Другим орудием перевоспитания была японская газета, которая редактировалась японскими пленными. Не имея никаких книг и в отсутствии всяких новостей, пленные приветствовали эту газету с радостью, но постепенно она была отвергнута многими, особенно офицерами, которые были самым упорными противниками кампании перевоспитания. Содержание газеты было полным энтузиазмом, похвалой Советского Союза и его великого вождя Иосифа Сталина, а также едкой критикой бывшего и настоящего японского правительства и США. Требовалась отмена императорского и учреждение социалистического общества по образцу советской системы.

Здравоохранение. Самое критическое положение было первой зимой 1945/1946 гг., когда помещения для пленных ещё не были готовыми. Тогда, в ту страшно - холодную зиму использовались, например даже палатки, которые плохо защищали от суровой погоды. Многие из помещений были заражены вредными насекомыми. Возвращаясь с тяжёлой работы пленные не могли помыться, не было запасного нижнего белья. Туалеты были на открытом воздухе. Условия постепенно улучшились к 1947 году, пленные построили ванны.

Здоровью грозило много опасностей: недостаток пищи, а также её однообразность, несчастные случаи, климат, непригодная одежда, гигиена, отсутствие медицинского обслуживания, спутанность сознания и т.д. Несчастные случаи происходили преимущественно в результате отсутствия опыта у пленных. Они должны были выполнять работы, которыми прежде не занимались. Валка деревьев и другая работа в лесу, горная промышленность и сельское хозяйство были особенно опасными. Советская власть не заботилась ни об обучении таким работам, ни о мерах безопасности. Высокая смертность и невыполнение норм были последствием болезней, слабого физического состояния и несчастных случаев.

После ужасных утрат и страданий войны, Советскому Союзу совсем не хватало больниц, врачей, санитаров, приборов, перевязочных материалов, дезинфицирующих и антисептических средств и витаминов. Материал, принесенный японскими военврачами отнимали, и в такой ситуации они мало чем могли помочь своим японским товарищам. Только тяжелые болезни и несчастные случаи освобождали пленных от работы. Японские военврачи и санитары действовали под постоянным надзором советского персонала. Многие из отдалённых лагерей вообще не имели медицинского персонала, самая ближайшая больница была слишком далеко, поэтому не было возможно переносить туда больных. В центральных лагерях условия медленно улучшались, а в захолустьях продолжали оставаться очень плохими. Медосмотры описываются как поверхностные дела, упор делался не на физическое и душевное состояние больного, а на скорейшее признание пленного трудоспособным. У советских врачей тоже была своя норма. Но свидетельства показывают и то, что многие советские врачи и медсёстры, несмотря на их ограничения, делали всё чтобы помочь японским пленным.

Такеучи (1982:71) посвятит Царужении рисунок «*Ласковый врач*», см. с. 71, , описывая её нежную заботу следующими словами: "Сравнивая с высокой врачом Смоленской, доктор Царужения бросалась в глаза маленьким ростом и широкими бёдрами. С другой стороны у неё было моложаво-свежее, детское и порядочное лицо. [...] Среди всех советских военврачей она произвела на меня самое сильное впечатление. Когда эти два врача гуляли бок о бок, никого не мог сдерживать улыбку. Царужения была ответственной за санитарную службу. Когда состояние одного из пациентов ухудшалось, она лично заботилась о нём. 'Он совсем замёрз, нам нужно согреть его!', такими вежливым образом она бранила медсестёр. [...] Если никакие старания не помогали, она говорила пациенту 'Что бы ты не захотел поесть, я принесу тебе' и она приносила вещи, которые никто из нас никогда не получал. Продукты лучшего качества,

вкусную курицу, телятину, яйца и сладости. Этим поведением она глубоко растрогала её подчиненных."

Смертность была самой высокой в первую зиму 1945/1946 гг.: 10 %. Упала до 7 % в 1946/1947 г., 3.7 % в 1947/1948 г. и 2 % в 1948/1949 г. Кузнецов (1997:90) показывает, что 30 % всех 61 538 смертей произошли в лесном хозяйстве, 23.2 % в горной промышленности и 15.1 % в сельском хозяйстве. Во многих случаях причина смерти не устанавливалась, свидетельства о смерти часто были неаккуратными или совсем ложными. Первая зима в Советском Союзе потребовала самую высокую дань. Это может быть одной из причин, отчего картины этого времени были самыми мрачными и тягостными. Один ветеран сказал автору, что страстные курильщики становились особенно слабыми. Он убежден, что это было причиной многих смертей. Он уверен, что пережил, потому что он упорно воздержался от курения.

Только после перестройки (теперь) Россия передала Японии до некоторой степени достоверную информацию о числе умерших в плену. Кузнецов (1997:32; 169/170) доказал насколько ненадежной была информация советского правительства японскому правительству. Числа были приготовленные для политических целей, даже после смерти Сталина. В течении многих лет давались сведения, что число умерших составляет 3.957 человек, потом сообщили, что на первое января 1949 г. насчитывается 34.000 могил на 340 кладбищах. В феврале 1959 г. сообщили, что на 270 кладбищах насчитывается 15.147 могил. Одной из причин этих не согласующих чисел являлись разные информационные источники: Министерство Внутренних Дел, Министерство Обороны и КГБ, которые, кажется, все записали не согласовывающие между собой числа. Некоторые историки установят, что число смертей превышает 100.000 границу. Базируясь на собственные и исследования других историков Кузнецов пришёл к убеждению, что число умерших должен составлять 62.068 человек. Это совпадает до некоторой степени с японскими предварительными подсчётами 60.000 человек.

Высказывания об **отношениях между рядовым составом, унтер-офицерами и офицерами** скудные. Можно ли это приписать к японской сдержанности говорить открыто. Более ясные комментарии даны по темам связанным с коммунистическим перевоспитанием и с актуальной темой равномерного распределения ежедневного пайка.

Товарищество играло очень важную роль, было жизненно важным, чтобы выжить в суровых условиях. Японцы жили в отдельных лагерях под командованием своих офицеров, следящих строго за дисциплиной. Трогательные примеры това-

рищества – это ночные буддистские панихиды вокруг умершего и почётные торжества у гроба. Смерть, далеко от дома и семьи и невозможность традиционно исполнить обряды для упокоя умершего, всё это было поводом к серьёзной тревоге. Исполнение обряда вместо семей было важным доказательством товарищества. А в первую зиму 1945/1946 г. пленные совершенно не были в состоянии исполнять обряды, т.к. подавленное настроение и изнеможение мешали этим торжествам. Сато (1979: 211) описывает картину «*Ночная панихида*», см. с. 83 следующими словами: "Чтобы утешить душу умершего мы вызвали солдата с буддистским образованием, он почитал Сутры. Тонкие полосы белой берёзы служили палочками ладана, пожертвованиями были узкие кусочки чёрного хлеба. Чёрный дым от палочек ладана для душевного покоя умершего поднялся и опустился, пепел упал на плечи товарищей. Ночная панихида принесла спокойствие в лагерь, но в первые месяцы нашего пребывания в Советском Союзе мы были неспособны на такие чувства. Тело умершего устанавливалось на некоторое время в лагере. Когда мы выходили на работу, конвой увозил тело на санах до кладбища и зарывал его без похоронной церемонии. Слушая теперь Сутру Великого Душевного Озарения я думаю о моих товарищах погибших в боях с советскими войсками и вспоминаю тех, кто умер от ужасного сибирского холода. Дым белой берёзы превращается в блуждающий огонёк умершего. Его душа питает злобу, потому что должна лежать в чужой земле далеко от родины. Душа не зная покоя блуждает по свету."

После смерти Сталина и следующего прекращения многих лагерей, кладбища связанные с ними не больше сохранились. Природа, строительство и сельское хозяйство сгладили все следы. Невозможность посетить могилы родственников и товарищей, чтобы отправить необходимые для покоя умерших службы в память, вызывают тревогу семей и ветеранов.

Тоска по родине и надежда на скорое возвращение домой были неисчерпаемыми темами разговоров. Мать была символом тоски по родине. Никто не догадывался о дате своей репатриации. Но даже накануне уже предстоящего возвращения, активисты в последнюю минуту могли разрушить надежды на возвращение домой из-за незначительных причин или доноса. Пленным давали ложную информацию, о причинах задержки репатриации, например говорили, что японское правительство не заботится о подготовке суден.

4. Заключение

Доклады производят впечатление практически полным отсутствием ненависти, передают даже чувство достоинства. Быть может время уменьшило некогда существовавшую

злобу и отчаяние, но разумеется, что до сих пор часто встречаются чувства глубокого разочарования и скорби. Способность переносить все несчастья, замечать тягость других, дисциплина, благодарность за знаки внимания и сочувствие советских граждан, а также умение любоваться природой именно этим наполнены рассказы и картины пленных. Пленные замечали разницу между советской пропагандой и действительностью. Нередко они понимали, что начальники лагерей и конвой тоже были жертвами советской системы и, что их жестокость являлась последствием собственных страданий. В рассказах также присутствуют примеры духовного и ментального роста людей в экстремальных условиях. Пленные обнаруживали и развивали в себе, к тому времени пока неосознанные способности. Многие вскоре поняли насколько важными могут оказаться даже самые несущественные вещи. Доклады и картины дают общий и ясный образ о лагерных событиях, но есть аспекты, о которых хотелось бы узнать больше, например, об отношениях между рядовым составом и офицерами, о проблемах жизни в тесных местах расквартирования, о давлении норм, болезнях, голоде и душевной напряженности. Естественно, совершенно не ожидается утверждение того, что у плена были также положительные аспекты.

Библиография

Полную биографию и этот текст в одном файле можно получить, формат ПДФ, 250 Кб, от: richard.daehler@bluewin.ch

ГИЗАНАГА, Цуёши 1999: *Tomo yo nemure – Shiberia chinkon uta* [Мир праху твоему, дорогой друг - песня для вечного покоя погибших в Сибири].

Токио: Фукуинкан Шотен.

КУСНЕЦОВ, Сергей И. 1997: Японцы в сибирском плену (1945-1956)

Иркутск: Центр международных исследований IGU.

РОССИ, Яков 1989: *The Gulag Handbook. An Encyclopaedia Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor.*

Справочник Гулага. Энциклопедический словарь Советских исправительных лагерей и выражений в связи с принудительной работы].

Перевод из русского языка: Виллиамс А. Бурганс. Нью-Йорк: Парагон Гаус.

САТО, Киёши 1979: *Shiberia ryoshūki* [Заметки из Сибирского плена].

Токио: Мираи Ша.

САТО, Киёши 1986: *Shiberia ryoshū no inori* [Молитвы Сибирских пленных].

Токио: Таирю Ша.

ТАКЕУЧИ, Кинши 1982: *Shiberia shūyōsho* [Сибирские лагеря для интернированных].

Токио: Кокушо Канко Каи.

ФЛЕЙШГАККЕР, Гедвиг 1965: *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Hunger*. [Немецкие военнопленные в Советском Союзе. Фактор недоедания]. Машке, Ерих (Изд.) в: *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des zweiten Weltkrieges*. [История немецких военнопленных Второй Мировой Войны]. Том III. Билефелд: Гизекинг.

ЮЦАКИ, Сакуе 1993: *Tōdo no shita de senyū ga dōkoku shite iru* [Вниз в ледяной земле товарищи по оружию хныкают]. Токио: Юцаки Сакуе.

Список картин и сопроводительных текстов

титл или тема, в алфавитном порядке	художник	с.	группа-картин
Вскрытие погибших в результате несчастного случая	Юцаки Сакуе(1993)	70	4.8
Барак для 100 человек	Такеучи Кинши (1982)	47	4.3
Белая дорога без надежды	Зато Киёжи (1986)	46	4.3
Белая ночь и казацкие танцы	Юцаки Сакуе(1993)	75	4.9
Березняк	Зато Киёжи (1986)	88	4.12
Возвращение с базара	Гизанага Цуёжи (1999)	92	4.12
Все силы исчерпаны	Гизанага Цуёжи (1999)	66	4.7
Гауптвахта	Зато Киёжи (1979)	53	4.5
Добросердечный военврач	Зато Киёжи (1979)	67/68	4.8
Друзья	Зато Киёжи (1986)	84	4.11
Живой труп	Гизанага Цуёжи (1999)	52	4.4
Зачем ты убил?	Зато Киёжи (1993)	55	4.5
Картофель и конский навоз	Зато Киёжи (1979)	48	4.4
Красная газета	Такеучи Кинши (1982)	82	4.10
Красный нос и начальник лагеря с лицом чёрта	Зато Киёжи (1986)	54	4.5
Ландыш и дети	Зато Киёжи (1979)	73	4.9
Лесоповал	Зато Киёжи (1979)	58/59	4.6
Мать мечтала о сыне, сын мечтал о матери	Гизанага Цуёжи (1999)	96	4.13
Музыкальная комната	Гизанага Цуёжи (1999)	77	4.9
Нарезка хлеба	Юцаки Сакуе(1993)	50	4.4.
Нежная женщина военврач	Такеучи Кинши (1982)	71	4.8

Немец Балкай	Такеучи Кинши (1982)	86	4.11
Немножко покоя	Гизанага Цуёжи (1999)	63	4.6
Ночная работа	Зато Киёжи (1986)	60	4.6
Обвинение	Зато Киёжи (1979)	78	4.10
Обвинение	Зато Киёжи (1986)	79/80	4.10
Обогащение меню	Такеучи Кинши (1982)	62	4.6
Объявление возвращения домой	Такеучи Кинши (1982)	97	4.13
Ограбление пленных	Такеучи Кинши (1982)	56	4.5
Похороны	Зато Киёжи (1986)	69	4.8
Приёмная	Гизанага Цуёжи (1999)	72	4.8
Прощание с товарищем. Зима	Гизанага Цуёжи (1999)	87	4.11
Реакция и поимённо указанные обвинённые Японцы	Юцаки Сакуе(1993)	81	4.10
Русская девушка и пленный	Гизанага Цуёжи (1999)	93	4.12
Сбор дикого шпината	Юцаки Сакуе(1993)	85	4.11
Смерть и жизнь	Зато Киёжи (1986)	64	4.7
Событие на палубе судна Жинано Мару	Юцаки Сакуе(1993)	99	4.13
Советские победители просят еду у побежденных	Такеучи Кинши (1982)	51	4.4
Советские работницы	Такеучи Кинши (1982)	90/91	4.12
Совсем не спиться	Такеучи Кинши (1982)	65	4.6
Сон	Зато Киёжи (1979)	45	4.3
Соревнование 1 Мая	Такеучи Кинши (1982)	76	4.9
Страх первого дня в Советском Союзе	Юцаки Сакуе(1993)	43/44	4.3
Сцена в ванне	Зато Киёжи (1986)	74	4.9
Тоска по родине	Зато Киёжи (1986)	94	4.13
Траурная вахта у гроба	Зато Киёжи (1979)	83	4.11
Укрепление берега Байкала	Юцаки Сакуе(1993)	61	4.6
Цветок тоски	Зато Киёжи (1986)	95	4.13
Чёрный хлеб и лосось	Зато Киёжи (1986)	49	4.4
Чёртовский надзиратель	Гизанага Цуёжи (1999)	57	4.5
Чувства пленных	Юцаки Сакуе(1993)	89	4.12

Биография

Рихард Делер (Richard Dähler), Швейцарец, родился 23 октября 1933 г.

Адрес: Im Sträler 23, CH 8047 Zürich, Швейцария.

Телефон: 0041-(0)44-492 72 22

richard.daehler@bluewin.ch

www.eu-ro-ni.ch/publications/Liz_rus.pdf

Я вышел на пенсию в конце 1995г. 45 лет работал в швейцарской фирме ДАНЦАС. В Токио я был президентом ДАНЦАС Японии. После выхода на пенсию, я поступил в Цюрихский университет в октябре 1996 г. Изучал японоведение как основной предмет, а русский язык и литературу как дополнительные предметы.

Языки: английский, голландский, испанский, итальянский, немецкий, русский, французский, японский

Интересы: культурные обмены, иностранные языки, история

(11.8.2012 22.30)